

Аркадий Аверченко

ЧЁРНЫМ
ПО БЕЛОМУ

УДК 82-32
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А19

Аверченко, А.

А19 Чёрным по белому / А. Аверченко. — М. : T8RUGRAM, 2018. — 200 с.

ISBN 978-5-521-77899-7

Аркадий Аверченко (1881–1925) — прославленный писатель-сатирик, драматург, театральный критик и редактор знаменитых периодических изданий «Сатирикон» и «Новый Сатирикон».

Сборник юмористических рассказов «Чёрным по белому» был впервые опубликован в 1913 году. Аверченко блестяще рисует галерею ярких, нелепых и странных, но всегда неповторимых образов, вызывающих искреннюю улыбку читателя.

УДК 82-32
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC004000

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЛГА	5
КЛУСАЧЕВ И ТУРКИН	14
РОСКОШНАЯ ЖИЗНЬ.....	23
ФУНКЕЛЬМАН И СЫН	36
СВЯТЫЕ ДУШИ.....	45
ЖЕЛТАЯ ПРОСТЫНЯ	54
СКЕПТИК.....	65
УЧАСТОК	74
ОДНО ИЗ МОИХ ЧУДЕС.....	82
СТИХИЙНАЯ НАТУРА	90
НИЧТОЖНАЯ ЛИЧНОСТЬ.....	101
СЛУЧАЙ ИЗ ЖИЗНИ	110
ФАБРИКАНТ.....	118
ЗАГАДКИ СЕРДЦА	128
АЛЛО!.....	137
ЧЕЛОВЕК, КОТОРОМУ ПОВЕЗЛО	145

РАВНОВЕСИЕ.....	157
О ПАРОВОДНЫХ ГУДКАХ.....	165
КАК МЕНЯ ОШТРАФОВАЛИ.....	170
ПРИЗРАКИ ЛЮБВИ.....	178
ПЕРВАЯ ДУЭЛЬ.....	185
РАССКАЗ О КОЛОКОЛЕ	194

ВОЛГА

I

В буфетной комнате волжского парохода за стойкой стоял здоровеннейший мужчина и бил ладонью руки по лицу качавшегося перед ним молодого парня.

У парня было преравнодушное лицо, которое, казалось, говорило: «Да скоро ты, наконец, кончишь, Господи»!

Здоровеннейший мужчина приговаривал:

— Вот тебе разбитый бокал, вот соусник, вот провансаль!

И бокал, и соусник, и провансаль — как две капли воды, походили друг на друга: это были обыкновенный пощечины, и различные названия их служили просто какими-то символами.

После провансаля буфетчик наделил парня «невывтертыми рюмками», «закапанной скатертью» и какой-то «коробкой бычков».

Когда парню приедалось однообразие ощущения, парень поворачивал лицо в другую сторону, и вторая, отдохнувшая, щека бодро выносила и «фальшивый целковый от монаха» и «теплое пиво» и «непослушание маменьке».

Толстый купец, пивший в углу теплое пиво, восторженно глядел на эту сцену, делая машинально те же движения, что и буфетчик, и качая лысой головой в такт каждому удару.

— Что это такое? — спросил я радостного купца.

— Это — государь мой, наше русское волжское воспитание. Чтобы, значит, помнил себя. Сынок это евонный.

— Да, ведь, он его, как скотину, бьет?!

— Зачем, как скотину?.. Скотину без пояснения лупят, а он ему все так и выкладывает: «Это, говорит, за соусник, это за теплое пиво». Парень, стало быть, и знает — за что.

— И вы думаете, это помогает? — брезгливо спросил я.

— Батюшка! А то как же? Да парень, после этого ноги его будет мыть, да воду пить!

Я пожал плечами.

— Если первая часть этой операции и имеет гигиеническое значение, то вторая...

— Чего-с?

— Я хочу сказать, что такое обращение делает человека глупым, забитым и тупым.

— Ничего-с. Нас так тоже учивали, а посмотрите — и на слово ответим, и дело исделаем.

Старая женщина подошла к стойке, поглядела на буфетчика и заботливо сказала:

— Ну, и будет. Ишь — ты упарился...

— Мать ихняя, — кивнул на нее купец. — Строгая семья, правильная.

Младший член этой семьи, наконец, избавился от «соусников» и «монашеских монет». Отец ударил его в последний раз, оттолкнул и, придвинув к себе стаканы, стал их перетирать. Сын взял тарелку и, в свою очередь, принялся тереть мраморную доску буфета.

— Правильно, — сказал мне купец. — Удовольствие исдейай, а работы не забывай.

II

Пароход подходил к большому городу. На палубе стоял здоровенный буфетчик, одетый по дорожному, жена его и сын.

— Ну вот, Капитоша, вот тебе такое мое слово: штобы от матери никакой жалобы, штобы пассажир был без ропоту и штобы — без бою стекла. Парень ты уже большой, многократно ученый — знаешь, как и что. Ключи тебе даны, доверие отцовское оказано — за сим прощайте. Должен ты понимать свою самостоятельность.

— Поблагодари папеньку, — крикнула мать. — Эх, народ теперь. Да я бы за это отцу... ноги бы мыть, да воду пить!

Эта странная формула исчерпывала, очевидно, все взаимоотношения младших к старшим. Выпитая вода являлась тем цементом, который неразрывно связывал членов семьи.

Парень Капитоша, опустил мутные серые глаза, конфузливо вздохнул и повалился отцу в ноги.

— Благодарствуйте, тятя.

— Ничего, что там. Лишь бы все, как следует.

Вокруг них столпились пассажиры, с интересом следившие за этой сценой. Буфетчик расцеловался с женой и поклонился пассажирам.

— Уезжаю я по делишкам, милостивые господа. Если что — не взыщите с парнишки, — молод он, робок. Не забудьте, поучите его.

Лысый купец отозвался за всех:

— Поучим.

Зевнул и отправился спать... Ставились сходни...

Когда пароход отчаливал от пристани того города, где буфетчик собирался устраивать дела, мать и сын стояли у перил и махали платками отцу, пришедшему последний раз проститься с ними.

Ветер трепал белыми платками, и полоса воды, между пароходом и пристанью, все ширилась и ширилась. Когда пароход отошел шагов на сто, Капитоша перестал салютовать, всмотрелся в платок и показал отцу кулак. Отец что-то закричал с берега, но не было слышно.

Капитоша облокотился спиной о перила, сложил на груди руки и строго сказал, глядя на мать серыми, мутными глазами:

— Ну, мамаша... Идите спать!

— Чего-ж я пойду, дурашка. Солнышко-то еще не спряталось.

— Идите спать! — бешено взвизгнул сын. — Говорят вам — идите! Кто тут хозяин? Вы или я?

— Ох, ты-ж, Господи, — пролепетала струсившая мать. — Поди-ты, какой крикливый. Ну-ну... Иду-иду Ты-ж тут смотри, чтобы все...

— Пошла, пошла!

Оставшись один, Капитоша плюнул на ладони и попытался пригладить взъерошенные волосы. Потом сделал попытку выгнуть впалую грудь колесом. Ни то, ни другое не удалось ему. Он вздохнул и пошел в буфет.

Я с улыбкой последовал за ним — его поведение заинтересовало меня.

Зайдя за стойку, Капитоша вынул бутылку французского шампанского, откупорил ее, открыл широко громадный желтый рот, в котором жадно извивался тонкий, сухой язык, и в две минуты перелил в себя всю бутылку.

— Однако! — сказал я, удивившись.

— Видал? — захихикал он.

— Видал.

— Здорово?

— Да уж... Ваш отец будет вами доволен.

Грудь его вогнулась еще больше и волосы сделались мягкими.

— Товарищ! — сказал он. — Господин! Долбанем еще одну, а?

— Спасибо, я днем не пью. И вам не советую. Зайдут сейчас сюда пассажиры, а вы выпивши.

Действительно, какой-то маленький чиновник зашел и, потирая руки, сказал:

— Пива.

— Нельзя! — взревел Капитоша.

— Почему?

— Буфет закрыть.

— Кто его закрыл?

— Кто? Я, Капитон Ильич — очень приятно познакомиться. Со мной, если желаете, выпьем. Шампанского, бордосского... Милый! Если бы ты видел, сколько здесь бутылок — сам черт не пересчитает. Пузатенькие, длинные — всякие. Чесстн... слово.

Маленький чиновник потоптался на месте, облизал губы и неожиданно сказал:

— Ну, что ж, выпьем.

Капитоша суетливо вытер руку о полу пиджака и протянул ее ребром, неумело:

— Капитон Ильич, главный буфетчик этого парохода. — Садитесь! Ах, ты-ж Господи! Вот приятное знакомство. Скажите, саратовские хористки еще не слезли?

— Нет, едут, а что? Вы их... сюда? Это ловко.

Капитоша захохотал и молодцевато побежал наверх.

— Зачем вы хотите пить с ним? — спросил я. — Не хорошо.

— Да что он, ребенок, что ли, — возразил чиновник. — Пусть себе молодой человек повеселится.

Через минуту вошел Капитоша, во главе четырех, жизнерадостных, смеющихся девиц.

— Садитесь, барышни. Винцо сейчас будет, апельсины. Очень приятно. Я Капитон Ильич, здешний главный заведующий буфетным отделением пароходной компании судоходства. Алле!

Следом за девицами вошел продавец кораллов и старый актер, потертый и давно небритый.

— Ты кто? Коралловый торговец? Очень украшает и наводит кавалеров на приятные мысли.

Капитоша суетился, бегал к стойке, выбирал кораллы, платил деньги, потом увидел на продавце кораллов оранжевый галстук и пристал, чтобы тот уступил ему этот галстук.

— Расчудесный галстук! Продай, чего там.